

Письмо Максима Горького Владимирским рабкорам.

ВЛАДИМИР, 5. Редакция газеты «Призыв», которая издаёт 10 печатных газет отдельных фабрик и заводов, обратилась к Горькому с просьбой ознакомиться с этими газетами и высказать свое мнение об опыте владимирских рабкоров. Горький прислал следующее письмо:

«Товарищи, с газетами, которые вы мне прислали, я ознакомился. Фабрично-заводские газеты и вижу не в первый раз, мне присылали их в Италию. Я встретил эти газеты с радостью, потому что они — одно из очень крупных достижений рабочего класса на его пути к новой культуре.

Вам, наверно, известно, что работу рабкоров и военкоров я ценю очень высоко. Мною предложено было «Рабочей Газете» использовать тысячи писем ваших для книги «Государственное значение работы рабкоров» — думаю, что эта книга будет сделана, и в ней вы, т.т., увидите, как велик ваш труд. Видеть это вам необходимо потому, что каждый рабочий должен отдавать себе ясный отчет не только в своей индивидуальной работе, но и в коллективной работе каждой производственной группы, каждой области всего класса.

Факт широкого и быстрого роста малых фаб.-заводских газет я считаю признаком роста «свободы слова» из «нутра», из сердца рабочего класса. Эта свобода, которую вы сами выражаете, разумеется, социально несравнимо ценней той «свободы», которую хотели бы иметь люди способные, использовать ее только для того, чтобы сказать вам: «пазад, ребята». Но вы знаете, что для вас идти назад — значит снова впрягаться в хомут, в ярмо капитализма, ибо кроме этого ярма и хомута для рабочего класса в прошлом ничего нет.

Просматривая «Основу», «Голос колчугинца», «Фабричный гудок», «Гудок собинца», «Абельмановку», «Свердловку», «Красный текстильщик», «Правду текстильщика», — я вижу, что литературная грамотность этих газет заметно повышается в сравнении с газетами, которые были мне известны раньше. Вместе с повышением грамотности и, вероятно, в зависимости от этого тон газет стал, как будто, более спокойным и серьезным. Заметки пишущих «по существу дела», с подчеркнутым желанием товарищески учить, культурно воспитывать! Не видно излишних резкостей, обидных для товарищей, меньше торопливости осудить товарища, который часто «не ведаёт, что творит», не по злой воле, а по неразумию, по некультурности, по тому, что он еще не понимает, что работает он не на паразита-хозяина, а на свой класс и, значит, на себя самого.

Из моего письма рабкорам «Дело имени Ильича» вы, конечно, понимаете, почему меня тревожит тон формы «самокритики». Я чувствую себя человеком не чужим рабочему классу, и все, чем он живет, все трепшия внутри его, все распри и недоразумения, — не смогут не задевать меня. Рабочий класс — огромная активная сила, но он живет и работает все еще в пассивной консервативно-индивидуалистически настроенной среде, количественно преобладающей его на многие миллионы голов. Вот, почему тревожно видеть и

чувствовать, что в прекрасную, ценнейшую машину попадает хлам и песок различных мелочей, вот почему, т.т., хочется видеть в вашей среде больше искренней дружбы, больше беряжливости друг к другу, больше сознания вами вашего классового единства. Это, т.т., не сентиментальность старика, а простой расчет человека, знающего, что люди в большинстве своем не бегом бегут к новому миру, а идут нехотя, «шуга за шугу», и что прошлое научило их верить в хорошее — с трудом, а в дурное — легко и охотно.

В каждой из присланных вами газет все-таки можно найти десятка полтора — два небрежностей, неправильностей языка, мелких грамматических ошибок. Например: в «Основе» у «Дяди Саши» первые два стиха: «Здорово, ребятинки, сидят тебя мышки», тут, разумеется, нужно «вас», а не тебя. В заметке «Несчастный случай» — «случилось было несчастье», а нужно «случилось бы» и т.д. Когда-нибудь, выбрав свободный день, я попытаюсь подробно указать вам на все эти мелочи. Я считаю, что против них необходимо бороться вот почему: пишущая молодежь привыкает к тому, что плохое знание его литературного языка проходит незамеченным редакторами, молодежь не учится писать грамотно, не заботится о четкости формы, о ясности мысли. Затем, напечатав пяток-другой заметок, юноша начинает считать себя готовым к литературной работе, у него развивается самолюбие, и уже первая случай, когда самолюбие переходит в болезнь, именуемую «прафомания» — страсть к писательству.

Такого рода больные считают себя гениями, а грамотность их — шиком критики. Вот, один из них, автор длинных повестей и стихов, пишет мне:

«Я слепо верю в свою способность намерения писать, а критику понимаю, как зависть и конкуренцию. Меня шесть раз печатали в стенгазете и еще просят».

Убедить таких людей, что «слепо» работать нельзя, что они малограмотны и должны учиться, — убедить их в этом уже невозможно, ибо они «певчие» — больные. Таких больных в среде вашей, т.т., уже не мало, а их не должно быть. Они теряют все свое свободное время на сочинение бессмысленной ерунды, они убоги — несчастные люди, исторченные надолго, а может быть, и навсегда. Они будут плодиться и размножаться, если не отнеслись к ним так строго и требовательно, как того требует дело. А ведь журналистика и литература художественная — дело великой важности. Рабочий класс должен овладеть всей техникой этого дела, оно — его боевое оружие, необходимое ему для самозащиты и для нападения. Рабкорморы, военкорморы — молодые солдаты армий бойцов, словом, они должны выдвигаться из своей среды люди на командные должности редакторов, художников, литераторов, сатириков, толковых корреспондентов, освещающих действительность. Прафоманов рабочему классу — не надо.

Будьте более требовательны к работе друг друга, более строги к чистоте и ясности языка, без этой ясности — невозможна ясность мысли.

Привет. М. ГОРЬКИЙ.